

Этический закон труда

Александр Моисеевич Атабекян

1920

Рассмотрим одну из самых основных сторон бытовых явлений, — *этический* или *моральный* закон, определяющий трудовые отношения людей.

Прежде всего возникает вопрос: как определить моральный закон вообще?

„Мы должны исходить из фактов, чтобы из них вынести законы, начать с действительности, чтобы на ней вывести нравственность. И самым существенным, основным явлением нашей природы оказывается тот факт, что мы живые, чувствующие и мыслящие существа“, — говорит М. Гюйо. Наше существование, т.е. наша жизнь, нераздельное целое, поддерживаемое взаимодействием органов питания (в широком физиологическом смысле слова), чувств и мышления.

Разберем, каким образом свойства человеческого существа определяют трудовые взаимоотношения людей и в каком соотношении к ним находятся законы государственные.

Уже апостол Павел писал: „Не трудящийся не достоин пропитания“; в XX-м веке государственные социалисты высекали на своих памятниках: „Не трудящийся да не ест“ (предполагая, очевидно, вместе с апостолом, в человеке врожденную склонность к лени) и установили *закон всеобщей трудовой повинности*.

Что же нам говорит о труде этический закон? Для распознавания этого закона, по совету Гюйо, нужно исходить из простых фактов, прежде чем их обобщать.

Вот некоторые из этих фактов.

Перед нами здоровый и сытый ребенок, будущий человек. Он играет, беспрестанно суетится, что-то творит. Принудить его к бездействию, поставить в угол, для него большое наказание. Но вот проходят часы, ребенок проголодался, его движения вянут, он бросает игру. Ребенка накормили — он снова принимается за свою деятельность.

Тут мы наблюдаем конкретный факт: потребность в деятельности естественно вытекает из существования здорового и сытого организма.

Не то же ли самое мы наблюдаем у зрелого человека? Не отягчается ли тюремное заключение для взрослого вынужденным бездействием?

Не то же ли проявляется у животных? Не рвется ли сытый конь под седоком или в упряжи вперед?

Моральное качество, называемое *ленью*, не присуще здоровому организму при достаточном питании и свободном проявлении его чувствований и мышления.

Хороший хозяин, чтобы извлечь наибольшую пользу из своей рабочей скотины, заботится о корме и уходе за ней.

Расчетливый фабрикант, не будучи в состоянии без самоотречения изменить другие условия подневольного труда, старается способствовать улучшению питания и гигиенических условий быта своих рабочих, чтобы этим путем повысить производительность и извлечь наибольшие выгоды.

Деятельность такая же естественная потребность человека, как и питание. Эти две функции взаимно обуславливают одна другую.

Но не одним питанием определяется деятельность.

Игры ребенка — не бесцельные занятия, не бессмысленная суета, а стремление творить, создавать, организовывать. Ими руководит *мысль*, которая намечает цели для достижения. Заставьте ребенка исполнять чужие, не усвоенные им предписания в игре, у него пропадет всякая охота к ней.

Не то же ли самое наблюдается у взрослого?

Даже подневольный труд, при ясно намеченной цели, — сдельная работа, — дает большую производительность. Так конь, идущий по направлению к стойлу, ускоряет свой шаг.

Не понижается ли производительность труда, когда человеком не руководит им самим сознанный цель?

Затем, не повышается ли разве производительность при объединении умственного и ручного труда?

Всматриваясь дальше в деятельность ребенка, в его игру, мы заметим, что он никогда не играет один. Даже когда он обречен на вынужденное одиночество, то одушевляет своим воображением предметы, с которыми он возится. Игра принимает интенсивный характер увлечения, когда она происходит в обществе схожих с ним детей, его сверстников.

То, что наблюдается у ребенка, проявляется и у взрослого. Чувство, влекущее людей друг к другу, называемое общительностью, не только свойственно человеку, но и является для него насущной потребностью. Общительность оказывает большое влияние на производительность труда. „Наблюдения показывают, — говорит проф. Железнов, — что несколько человек, ведущих совместную работу, выполняют ее гораздо интенсивнее, чем при одиночном труде“.

Здоровый организм, хорошее питание, свободный выбор, воспринятая сознанием цель, добровольное взаимное объединение — вот условия, определяющие основные признаки этического закона труда.

Как мы далеки от узкого кругозора государственного законодательства, вменяющего труд в обязанность, проводимую угрозой целым рядом свирепых кар! Насколько выше юридического закона этический закон без санкции и принуждения, устанавливающий, что труд для здорового человека при свободных общественных порядках такая же потребность, как дыхание, и что он так же сближает сильных и слабых людей, как любовь кормящую грудью мать к своему ребенку.

Как прав Кропоткин, утверждающий: „Обществу, в котором труд будет свободен, нечего бояться тунеядцев“.

По причудливой иронии судьбы эти слова высечены под бюстом учителя теми же самыми руками, которые опозорили труд, вписав в государственные законы „всеобщую трудовую повинность“!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Этический закон труда
1920

Скопированно 24 июля 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/20-7.htm#3>

ru.theanarchistlibrary.org